

УДК 811.161.1'42

О. К. Куварова

Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара
доктор філологічних наук, доцент,
професор кафедри загального і слов'янського мовознавства

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ ДНЕВНИКА ЭКСПЕДИЦИИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ (на материале «Севастопольских писем» Н. И. Пирогова)

В статье исследована дискурсивная специфика «Севастопольских писем» выдающегося врача-хирурга и учёного Н. И. Пирогова. Показано, что эпистолярные тексты включают в себя дискурсивные формы дневника экспедиции. Автором реализован в них комплекс социокоммуникативных ролей («деятеля», «хроникёра», «пишущего», «носителя психологического состояния»), типичных для человека, ведущего дневник. Синтез разных дискурсивных форм в эпистолярных текстах стал средством осмысления учёным собственной деятельности и основой для продолжения им письменного творчества в разных жанрах.

Ключевые слова: *дневник, письмо, эпистолярный текст, дискурс, Н. И. Пирогов.*

Постановка проблемы. Дневниковые записи являются, пожалуй, одним из самых интимных видов письменной речевой деятельности, поскольку это тексты, адресованные их автором в первую очередь самому себе. Человек, пишущий дневник, более свободен в выражении своих мыслей, чувств, оценок событий и современников, чем это возможно при составлении, например, отчёта, письма, мемуаров, ориентированных на прочтение другими людьми. Между тем, именно эта внутренняя свобода делает личный дневник объектом интереса историков, биографов, литературоведов, особенно если автор дневника был личностью неординарной, чья деятельность и взгляды представляют общественный интерес. В последние десятилетия дневниковый дискурс стал предметом исследования лингвистов, причём в сферу их научного интереса были включены и дневники «рядовых», ничем не выдающихся носителей языка. Изучение дневника как речевого жанра и особого типа коммуникативной деятельности восходит к идеям М. М. Бахтина и продолжается в работах И. С. Андриановой, О. Г. Егорова, Анны Зализняк, Е. И. Калининой, Л. П. Квашиной, К. Кобрин, Н. Н. Козновой, Т. А. Космеды, Е. М. Криволаповой, Л. Н. Летягина, М. Ю. Михеева, К. С. Пигрова, Т. В. Радзиевской, М. В. Ромашкиной, И. Савкиной, К. В. Сизюхиной и других исследователей. Однако многие вопросы, связанные с типологией дневников, выяснением дифференциальных признаков дневникового дискурса, позволяющих отличить его от других речевых жанров, синтезом разных типов дискурса в тек-

стах той или иной функциональной направленности, ещё ожидают своего исследователя.

Анализ последних исследований и публикаций. В числе жанровых признаков дневника Анна Зализняк называет автоадресованность, возможность существования косвенного адресата, нефикциональность, отсутствие единого авторского замысла, сосредоточенность на текущем моменте и на личности пишущего, наличие метатекстовой даты записи [3, с. 130]. В текстах эти признаки реализуются не в одинаковой мере и в самых разнообразных комбинациях, а сами дневниковые записи неоднородны по условиям их создания, прагматике, возрастным и социальным характеристикам авторов, задачам, которые они перед собой ставят, поэтому возникает проблема классификации дневников. Развивая мысль М. М. Бахтина о том, что «дневники бывают то исповедальными, то биографическими» [1, с. 139]. О. Г. Егоров разделил их на две разновидности по объекту изображения: экстравертивные и интровертивные. К первой группе он отнес «те дневники, в которых объектом является внешний “объективный” предметный и социальный мир»; дневники второй группы, интровертивные, ориентированы «на внутренний мир, на субъективное переживание фактов душевной жизни» [2, с. 7]. М. В. Ромашкина предлагает членение жанра на дневники-черновики и бытовые дневники [8, с. 999]. В качестве особого типа дневниковых записей Т. В. Радзиевская выделяет «такие, которые создаются в тот период, когда коммуникант находится вне “своей” пространственной и коммуникативной среды. Это записи, которые ведутся во время путешествий, поездок, военных кампаний и т. п. ситуаций» [6, с. 196–197]. Исследователь отмечает, что такие записи складываются в историческую хронику, предполагают другого адресата, а целевой установкой их автора является фиксация всего интересного, заслуживающего внимания. Полагаем, что этот тип текстов, относящихся к экстравертивным дневникам, можно обозначить *дневник экспедиции*, рассматривая его как субжанр дневникового дискурса.

Цель статьи – исследовать дискурсивные формы дневника экспедиции в текстах «Севастопольских писем» выдающегося русского врача-хирурга и учёного Николая Ивановича Пирогова.

Изложение основного материала исследования. В дневник экспедиции заносятся прежде всего сведения о событиях, связанных с целью поездки, о соответствующей деятельности участников экспедиции, условиях жизни (жильё, продукты, цены), а также наблюдения за погодой, описание природы тех мест, где оказались путешественники, их контактов с местным населением и т. п. Написание текста такого рода было начато Н. И. Пироговым в ноябре 1854 г. в Севастополе, куда он отправился с группой коллег и учеников для организации медицинской помощи раненым и больным во время Крымской войны. Этот текст обычно включается издателями в цикл «Севастопольские письма», основу которого составляют написанные во время военной кампании

1854–1855 гг. письма Н. И. Пирогова жене [5, с. 9–92]. В письме от 24 ноября 1854 г. врач сообщал: *Я начал писать журнал моей экспедиции и посылаю тебе первые 2 листка; кто интересуется, как, например, Здекауер, Глазенап, можешь дать им прочесть* (с. 13). Две части журнала были отправлены жене вместе с письмами, причём в авторских комментариях, которыми Н. И. Пирогов сопровождает эти тексты, отчётливо обнаруживается сложность и многоплановость их адресации: как видим из приведённой выше цитаты, замысел дневника экспедиции предполагал, что с этим текстом ознакомится не только супруга врача, но и его коллеги, к числу которых принадлежал Н. Ф. Здекауер, руководители военной кампании, в частности директор Морского корпуса контр-адмирал Б. А. Глазенап, и другие заинтересованные лица. Во второй части дневника Пирогов рассказывает о своей аудиенции у главнокомандующего армией князя А. С. Меншикова, характеризуя его как бездарного полководца, который не заботится о своих солдатах. Откровенность, естественная для жанра дневника, теперь уже становится препятствием для его пересылки, поскольку написанное выходит за границы того, что может иметь даже косвенного адресата, и врач медлит с отправкой, о чём сообщает жене: *У меня готово продолжение, но я его не посылаю тебе теперь, потому что, прочитав написанное, я сам испугался, что уже слишком много сказал правды* (с. 23), и в следующем письме опять: *...одно письмо лежит у меня в портфеле; его опасуюсь послать, потому что в нём много правды* (с. 26). Решившись, наконец, отправить вторую часть дневника, Пирогов предупреждает жену: *Письмо, которое ты при этом получишь, не показывай никому; тут я говорю кое-что про Меншикова, чтобы это не разошлось* (с.30). Этот запрет был снят автором лишь после отставки главнокомандующего.

Замысел Н. И. Пирогова вести дневник экспедиции не был реализован полностью, и причиной этому, вероятно, стала не только нехватка времени, но и противоречие между сущностью дневникового текста, который пишется для себя, чувством гражданского долга, который требовал предать гласности обстоятельства военной кампании, и опасениями навредить чрезмерной откровенностью участникам событий, в том числе себе и своей семье. Противоречивость в квалификации собственной коммуникативной деятельности проявляется и в том, что Пирогов называет текст дневника то *журналом экспедиции*, то *письмом*. Дневник остался неоконченным, однако переписка с женой продолжалась регулярно на протяжении двух поездок врача в Крым, и роль продолжения начатого текста выполнили письма, фрагменты которых могут быть охарактеризованы как дискурс дневника экспедиции. Т. В. Радзиевская, выделяет четыре социокоммуникативные роли, репрезентативные для деятельности человека, ведущего дневник: 1) «деятеля», 2) «хроникёра», 3) «носителя психологического состояния» и 4) «пишущего». Эти роли она характеризует как корреляты текстотипа дневника [7, с. 251]. Рассмотрим, как воплощены эти роли в эпистолярной Н. И. Пирогова.

Реализуя роль «деятеля», Н. И. Пирогов выступает субъектом, организующим собственную коммуникативную деятельность, и уже в одном из первых писем из Севастополя формулирует свои намерения: *Пишу, милая Саша, не для тебя одной, а и для других добрых людей, а главное, и для себя, может быть* (с. 11). Из этих слов следует, что ещё во время поездки у него возник замысел использовать письма в дальнейшем, возможно, при написании воспоминаний или очерка о Крымской войне. Редактор и комментатор писем С. Я. Штрайх отмечал, что часть текста классического труда «Начала общей военно-полевой хирургии» основана на этих письмах [5, с. 506]. Коммуникативная деятельность Н. И. Пирогова, обладая для него и собственной ценностью, всё же мыслится им как часть более широкой, и в первую очередь профессиональной его деятельности, общественное значение которой врач в полной мере осознаёт. Периодически он просит в письмах жену передать великой княгине Елене Павловне информацию о положении дел в Крестовоздвиженской общине сестёр милосердия, которой княгиня попечительствовала: *Если она [Елена Павловна – Е. К.] пришлёт спросить, то скажи, что её сёстры до сих пор оказались так ревностными, как только можно требовать; день и ночь в госпитале* (с. 31); *...скажи, что велик[ая] княг[иня] этим действительно оказала услугу истинную человечеству и сделала переворот в госпиталях военных; жаль только, что восемь сестёр, как я слышу, заболели в Симферополе* (с. 34). Письма, в которых предстаёт образ их автора – врача-гражданина, заботящегося в первую очередь о благе вверенных его попечению больных, передают размышления Пирогова об общественном долге, о значении тех событий, в которые он вовлечён: *...Мы живём на земле не для себя только; вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, через целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем, кому бог дал хоть какую-нибудь возможность участвовать в ней* (с. 26). Сведения об организации Крымской военной кампании, о деятельности ряда полководцев, участвовавших в ней, а также самого врача и руководимой им Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых и больных, впервые в мире обеспечившей женскую помощь пострадавшим на полях сражений, – сведения, зафиксированные Н. И. Пироговым сначала в журнале экспедиции, а затем в письмах, – имели огромную ценность и для современников, в частности, тех из них в придворных и правящих кругах, кто имел влияние на организацию военной кампании, и для историков и биографов в дальнейшем.

Актуализация роли «хроникёра» осуществляется в записях, отражающих те события, которые происходили на протяжении дня или нескольких предшествующих дней. Такого рода записи, включённые в текст писем, бывают двух типов: первый – сжатые заметки констатирующего характера, второй – развёрнутое повествование о впечатлениях дня. Приведём примеры первого типа: *13 ноября. День моего рождения, о чём я вспомнил только сегодня, т. е.*

14 ноября (с. 11); *Вчера я ел с аппетитом тарелку супа куриного и жареного голубя. Продолжаю ещё брать морские ванны. ... Сон хорош. Вот тебе, душка, мой бюллетень* (с. 51). Второй тип записей может быть иллюстрирован пространственным письменным рассказом о поездке на шестой бастион (с. 46–47) или о встрече Нового года на боевых позициях (с. 34–36).

Содержание записей, которые образуют «хронику» путешествия, – это состояние дорог и почтового сообщения в южнорусских губерниях (*Дорога до Курска, где шоссе прекратилось, невыносимо мерзко. Грязь по колени; мы ехали не более 3 и даже 2 вёрст в час, шагом; в темноте не было возможности ехать, не подвергаясь опасности сломить шею. ... Надобно сказать Антонскому, что почты между Харьковом и Екатеринославом в самом жалком состоянии* (с. 10)); описание погоды (*Нас застал на дороге около Белгорода жесточайший ураган* (с. 10); *Вот уже третий день, как погода переменилась; настала зима, 8–10° холода, снег, и у нас в комнатах, в батарее, порядочно холодно...* (с. 32)); впечатления автора от крымской природы и описание достопримечательностей (*Ханский дворец действительно живописен, и я понимаю теперь, что Пушкин, бывши здесь летом, предался поэтическим мечтам. Мы видели и фонтан слёз, и гробницу Марии с луной над крестом, и бывший гарем Гирея; на дворе около фонтана зеленелись мирты и цвели дикие розы, вокруг тянется цепь гор* (с. 33)); записи о снабжении, продуктах питания, быте участников экспедиции (*... Ко всему привыкаешь; – я люблю переменять часто бельё, теперь не переменяю его по шесть и по семь дней; любил окачиваться холодной водой, – теперь не умываюсь иногда по целым дням* (с. 32)).

В «Севастопольских письмах» есть и такие высказывания, которые отражают эмоциональное состояние автора и реализуют роль «носителя психологического состояния». Эти высказывания реализуют стратегию самопрезентации, обеспечивающую, по мнению Е. И. Калининой, достижение главной цели дневниковых записей – создание Я-образа пишущего [4, с. 186]. Доминирующим чувством, запечатленным в письмах, является тревога их автора о судьбе Севастополя, а вместе с ним Крыма и всей страны, и горечь от осознания тщетности своих усилий что-либо изменить: *Я люблю Россию, люблю честь родины, а не чины; это врождённое, его из сердца не вырвешь и не переделаешь; а когда видишь перед глазами, как мало делается для отчизны и собственно из одной любви к ней и её чести, так поневоле хочешь лучше уйти от зла, чтобы не быть по крайней мере бездейственным его свидетелем* (с. 67). Конечно же, Н. И. Пирогов не был «бездейственным свидетелем» ситуации, его неустанный труд в течение многомесячной военной кампании давал о себе знать усталостью, и это единственное, на что врач позволял себе иногда пожаловаться: *Жизнь, которую я веду, не позволяет скучать, и потому мне не скучно, хотя я не вижу ни тебя, ни детей. Мыслей других нет и быть не может, как об раненых; засыпаешь, видя всё раны во сне, пробуждаешься с тем же. Читать и писать времени нет. Усталый, вечером думаешь только, как бы отдохнуть* (с. 25). Стремясь пощадить чувства жены, ободрить и успокоить

её, Н. И. Пирогов неизменно проявляет сдержанность в выражении эмоций и взвешенность оценок, даже в трудном положении находит свои преимущества. Сменив жизнь заслуженного профессора в Петербурге на неустроенный военный быт, он пишет: *...служить здесь мне во сто крат приятнее, чем в академии; я здесь, по крайней мере, не вижу удручающих жизнь, ум и сердце чиновнических лиц, с которыми по воле и неволе встречаюсь ежедневно в Петербурге. В войне много зла, но есть и поэзия: человек, смотря смерти прямо в рыло, как выражался начальник штаба Семякин, когда шёл на приступ с азовцами, смотрит и на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды; много забот, много и разливной беззаботности* (с. 44). Описание внутреннего состояния автора тесно связано со внешними обстоятельствами, и характеризует не только личность пишущего, но и ситуацию, в которой он живёт и действует.

Социокоммуникативная «роль пишущего» в разных жанрах варьируется, и характерной для дневника её чертой является стремление «удержать в памяти», сохранить в первую очередь для себя какие-то факты, события жизни, собственные чувства и переживания, связанные с этими событиями, мысли, заслуживающие сохранения. При этом имеют значение точность и объективность в передаче фактов, что достигается Н. И. Пироговым в изображении, например, главнокомандующего армией посредством включения в дневниковый дискурс диалогов, имевших место при встречах врача с князем А. С. Меншиковым (с. 19–21). Письма содержат документальные рассказы о личностях, проявивших героизм при обороне Севастополя, людях, чьи имена впоследствии вошли в историю: матросе Кошке (с. 44), Дарье Севастопольской (с. 24).

Фактографическая точность требует указания источников информации. В своих записях Н. И. Пирогов опирается прежде всего на собственные наблюдения. В то же время письма отражают большую роль в передаче информации в военное время слухов, которую автор неоднократно подчёркивает: *...Говорят о том, что хотят сильно бомбардировать, говорят и о том, что ждут десанта, говорят и о зимовке; но все одни слухи – так же, как и в Петербурге* (с. 33); *Пронеслись было слухи, что союзники хотят сделать новый десант и обойти нас со стороны северных укреплений* (с. 37); *О делах в Европе я знаю только по слухам и по некоторым запоздалым ведомостям* (с. 45). Точность и скрупулёзность фиксации положения дел в осаждённом городе проявляется также в использовании цифровых данных, когда Пирогов называет цены на продукты, количество раненых и больных, даты отправки и получения писем и т. п.

Выводы и перспективы исследования. В «Севастопольских письмах» Н. И. Пирогова реализован в соответствующих дискурсивных формах целый комплекс социокоммуникативных ролей, типичных для человека, ведущего дневник. Эти письма в сущности и стали своеобразным дневником, где врач фиксировал непосредственные впечатления во время экспедиции, которые позднее обобщил и изложил в таких работах, как «Начала общей военно-поле-

вой хирургии», «Военно-врачебное дело», «Дневник старого врача». Участие в Крымской войне стало завершающим этапом врачебной карьеры Н. И. Пирогова; по возвращении в Петербург он обратился к научно-педагогической деятельности. Полагаем, что письма, с их возможностью передавать практически любое содержание, синтезировать дискурсивные формы разных жанров, в том числе характерные для дневника экспедиции, послужили в известной мере подготовительным этапом и основой для продолжения письменного творчества учёного в разных жанрах. Перспективы дальнейших исследований видим в изучении дискурсивной природы эпистолярия, характера письменной фиксации событий в связи с интенциями и приоритетами в коммуникативной деятельности субъекта общения.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование / О. Г. Егоров. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 288 с.
3. Зализняк Анна А. Дневник: к определению жанра / Анна А. Зализняк // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 106. – С. 162–180. [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения 20.03.2019).
4. Калининна Е. И. Стратегическая составляющая модели речевого жанра «diary» / Е. И. Калининна // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 1 (53). – С. 184–187.
5. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 652 с.
6. Радзиевская Т. В. Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности / Т. В. Радзиевская // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 95–117.
7. Радзиевська Т. В. Дискурсивні простори: історико-лінгвістичний вимір: монографія / Т. В. Радзиевська. – К.: ДП «Інформаційно-аналітичне агентство», 2018. – 323 с.
8. Ромашкина М. В. Разновидности жанра дневника / М. В. Ромашкина // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 3. – С. 997–1001.

References

1. Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity / comp. S. G. Bocharov. – 2nd ed. – M.: Iskusstvo, 1986. – 445 p.
2. Egorov, O. G. The Diaries of the XIX Century Russian Writers: A Study / O. G. Egorov. – M.: Flinta; Nauka, 2002. – 288 p.
3. Zaliznyak, Anna A. Diary: on the definition of a genre / Anna A. Zaliznyak // Novoye literaturnoye obozreniye. – 2010. – № 106. – P. 162–180. [Electronic resource]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (date of appeal 20.03.2019).
4. Kalinina, E. I. Strategies in modeling diary as a speech genre / E. I. Kalinina // Bulletin of the Kemerovo State University. – 2013. – № 1 (53). – P. 184–187.
5. Pirogov, N. I. Sevastopol letters and memoirs / ed. and comments. S. Ya. Shtraykh. – M.: Academy of sciences of the USSR, 1950. – 652 p.
6. Radzievskaya, T. V. Keeping a diary as a type of communicative activity / T. V. Radzievskaya // Logical analysis of the language. Reference and problems of text formation (Logicheskiy analiz yazyka. Referentsiya i problemy tekstoobrazovaniya). – M.: Nauka, 1988. – P. 95–117.
7. Radzievs'ka, T. V. Discursive spaces: historical and linguistic aspects / T. V. Radzievs'ka. – Kyiv: DP «Інформативно-аналітичне агентство», 2018. – 323 p.
8. Romashkina, M. V. Aspects of the diary genre / M. V. Romashkina // Bulletin of the Bashkir University. – 2015. – Т. 20. – № 3. – P. 997–1001.

Куварова О. К.

DISCURSIVE FORMS OF EXPEDITION DIARY IN THE EPISTOLARY TEXT (on the material of the “Sevastopol Letters” by N. I. Pirogov)

The article is devoted to the discursive specificity of the “Sevastopol Letters” of an outstanding Russian doctor, teacher, scientist N. I. Pirogov. It is shown that epistolary texts include some discursive forms of the expedition diary. A complex of sociocommunicative roles («actor», «chronicler», «writer», «carrier of psychological state»), typical of a diarist, has implemented by the author in these texts. The letters contain documentary stories about real historical personalities, the dialogues, quantitative data, a narrative of events, which N. I. Pirogov was an eyewitness. This creates the factual accuracy necessary to implement the diary's memoir function. Synthesis of various discursive forms in epistolary texts has become a means of reflection of the scientist regarding his activities, the basis for the continuation of his written work and the expansion of the genre-stylistic range of the texts created.

Keywords: expedition diary, letter, epistolary text, discourse, N. I. Pirogov.

Куварова О. К.

ДИСКУРСИВНІ ФОРМИ ЩОДЕННИКА ЕКСПЕДИЦІЇ В ЕПІСТОЛЯРНМУ ТЕКСТІ (на матеріалі «Севастопольських листів» М. І. Пирогова)

У статті досліджено дискурсивну специфіку «Севастопольських листів» видатного лікаря-хірурга й науковця М. І. Пирогова. Показано, що епістолярні тексти включають у себе дискурсивні форми щоденника експедиції. Автором реалізовано комплекс соціокомунікативних ролей («діяча», «хронікера», «того, хто пише», «носія психологічного стану»), типових для людини, яка веде щоденник. Синтез різних дискурсивних форм у листах став базою для продовження науковцем письмової творчості в різних жанрах.

Ключові слова: щоденник експедиції, лист, епістолярний текст, дискурс, М. І. Пирогов.